

Биоантропология саргатской общности

Саргатская культурно-историческая общность существовала на территории Западной Сибири в течении V в. до н.э. — III в. н.э. Население, освоившее лесостепные ландшафты, вело интегрированное хозяйство, сочетавшее подвижное скотоводство с охотой и рыболовством. В результате раскопок могильников саргатской общности были собраны значительные антропологические коллекции, содержащие костные останки сотен индивидуумов.

Интерес к этому материалу с расогенетических позиций привлекал множество антропологов. Это позволило установить расовый облик обитателей разных районов саргатской общности, который оказался достаточно единообразным. Он относится к антропологическому типу, сформировавшемуся на основе европеоидов с низким и широким лицом, с привнесением низколицевого монголоидного компонента, родственного обитателям таежных областей Западной Сибири¹ Однако исследования палеоантропологического материала в других направлениях практически не проводились. Наличие обширного антропологического материала и разработка новых методов позволило разносторонне изучить жизнедеятельность и физический облик населения саргатской общности. Основой исследования послужили палеоантропологические коллекции, происходящие в основном из курганных комплексов саргатской культуры. В общей сложности были изучены костные останки более 300 индивидуумов из 33 некрополей. Для межгрупповых сравнений привлекались данные более чем по 30 выборкам раннего железного века степей и лесостепей Евразии.

В проводимой работе фокус палеодемографического исследования был обращен на определение того, какую часть социума отражает рассматриваемая выборка² Общее распределение погребенных в курганах людей по возрастам смерти схоже с классической кривой распределения числа умерших по продолжительности жизни. Это обстоятельство наряду с признанием курганного обряда основной погребальной практикой саргатского общества, дало основание большинству исследователей рассматривать имеющуюся выборку адекватным отражением саргатского народонаселения.

Рассматриваемая совокупность обладает рядом особенностей, отличающих ее от классической модели смертности. Это выражается в малом количестве детских и юношеских захоронений, при значительном преобладании мужских погребений над женскими. Третья особенность анализируемого распределения заключается в положении второго пика смертности, отождествляемого в палеодемографических исследованиях с модальной продолжительностью жизни взрослого населения. Для мужчин данный показатель попадает в возрастной интервал 35–39 лет, для женщин — в промежуток 20–29 лет. Эти периоды являются возрастными

наибольшей фертильности и социальной активности, и максимум смертности в это время неминуемо ведет общество к вымиранию и деградации. Модальная продолжительность жизни, наблюдаемая для исторического и современного населения, никогда не опускается ниже 50 лет. Выявленные особенности существенно отличают распределение погребенных в курганах по возрастам от структуры естественной смертности. Это означает, что рассматриваемая совокупность людей неадекватно отражает смертность населения, и ее нельзя использовать для расчета демографических показателей саргатского общества. Проведенное исследование выявило также многократную недостачу количества погребальных сооружений по сравнению с предполагаемой смертностью. Это показывает, что курганный обряд был не всеобщей погребальной практикой, а ритуалом, относящимся лишь к небольшой части населения. Существенные трудозатраты на сооружение курганного комплекса ограничивают эту группу лицами, обладающими достаточно высоким социальным статусом.

Для объяснения своеобразия саргатской антропологической выборки была предложена «военно-правящая» модель ее формирования. Эта модель предполагает, что курганы возводились, главным образом для военно-правящей элиты саргатского социума. Прежде всего, это касается мужских захоронений. Социальные роли женщин реконструируются более разнообразно. Они могли выступать социальными лидерами, воинами(?) или оказаться в престижном захоронении в качестве протезы знатного патрона. Детский контингент выборки формировался, в первую очередь, по протекции, хотя в некоторых случаях можно предполагать захоронение ребенка и в качестве номинального правителя.

Географический и временной анализ изменчивости остеометрических признаков саргатской выборки позволил достоверно дифференцировать население саргатской общности по длиннотным размерам. Хотя количество антропологического материала саргатско-гороховского этапа развития общности невелико, можно полагать, что люди этого времени относились, к высокорослому типу (рост мужчин >170 см). Ранний период саргатского этапа представлен достаточно высокими индивидуумами (рост 168 см), со средней шириной плеч. Исследуемую часть населения позднего периода саргатского этапа составляют высокорослые люди (рост 169 см) со средней шириной плеч. Группа, оставившая погребения кашинского круга памятников, представлена среднего роста мужчинами (167 см) с весьма широкими плечами. Они заметно разнятся от представителей предыдущих этапов, что позволяет предполагать их генетическую обособленность. Проведение географических и хронологических сравнений позволило отнести людей саргатской общности к типичным представителям Северной Евразии, характеризующимся по общемировому масштабу удлинненными плечевыми и укороченными берцовыми отделами³

Другая часть работы с антропологическими материалами была направлена на реконструкцию образа жизни саргатских людей⁴ В ходе исследования была разработана и успешно применена оригинальная мето-

дика реконструкции физической активности людей по остеологическим показателям. Важной частью данной методики являются разработанные новые системы регистрации мест прикрепления мышечно-связочного аппарата к костям и описания дегеративно-дистрофических изменений суставов. Помимо этого была формализована структура воссоздания деятельности людей, включающая 3 этапа: регистрацию остеологических маркеров, реконструкцию элементарных движений и системы физических нагрузок в виде кинематических схем, интерпретацию полученных кинематических схем как действий, осуществлявшихся в разных сферах жизни.

Проведенный анализ позволил установить, что у исследуемых представителей силовые движения преобладали над скоростными. Физическая деятельность и нагрузки мужчин были больше, чем женщин. По общим для обоих полов движениям был реконструирован привычный способ сидения людей саргатского общества с согнутыми и разведенными ногами — «по-турецки». Анализ преобладающих мужских движений позволяет утверждать, что в жизнедеятельности привилегированных мужчин верховая езда занимала существенное место. Сопоставление кинематических схем движений рук и техник владения бытовавшим в саргатское время оружием предполагает, что мужчины рассматриваемой части общества едва ли уделяли много времени тренировкам в военном искусстве. Характерные для женщин движения находят правдоподобное место в действиях, осуществляемых при ткаье на горизонтальном ткацком станке. Обычная физическая активность людей исследуемой части саргатского общества не приводила к регулярным перегрузкам суставов. Анализ травм саргатского населения показал, что большая часть из них преднамеренные, причем многие являются боевыми⁵ Подобные повреждения имеют более трети мужчин и женщин.

Анализ маркеров физической активности разделил мужскую и женскую части выборки на пары достоверно различающихся морфотипов: «активные» и «спокойные». Мужчины «активного» морфотипа были вовлечены в какую-то дополнительную, по сравнению с представителями «спокойного» морфотипа, деятельность. Причем эта деятельность не была связана с профессиональными военными действиями. Выявленные кинематические схемы женщин «активного» типа весьма сходны с кинематикой мужчин. Это указывает на то, что физическая активность женщин этой группы в существенной части соответствовала активности мужчин, включая езду на лошади. В рамках «военно-правлящей» модели изучаемой части саргатского общества, мужчины «активного» морфотипа могут рассматриваться как выходцы из низкой страты, достигшие положения в военно-правлящем слое благодаря личным заслугам. Мужчины же «спокойного» морфотипа, оказываются в обсуждаемой страте по факту своего аристократического рождения. Женщины «спокойного» морфотипа могут быть наследственными аристократками, занимающими положение любимых дочерей и жен. Среди же женщин «активного» морфотипа могли оказаться люди и низкого происхождения. Однако это не

мешало дамам этой группы играть социальные роли старших жен, родовых правительниц и, вероятно, вонительниц.

В ходе работы осуществлена реконструкция характера питания изучаемых представителей саргатского общества, основанная на одонтологических признаках⁶ Реконструируемая модель питания исследуемой части саргатского общества предполагает разнообразие потребляемых продуктов, небольшое количество мяса, отсутствие блюд из зерна, частые периоды недостаточной обеспеченности пищей. Восстановленная структура питания в значительной степени соответствует пище скотоводческого населения, с вероятным отнесением к «лесостепному» варианту рациона.

В ходе проведенного исследования в научный оборот были введены объемные остеометрические, остеоскопические и патологические данные по населению саргатской общности, предложена их интерпретация с позиций реконструкции образа жизни и определения физического облика. В процессе анализа были систематизированы обширные биоантропологические данные по популяциям раннего железного века Северной Евразии. Для эффективного решения возникавших задач были разработаны новые методики и методические подходы.

¹ Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.

² Ковригин А.А., Ражев Д.И. К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке // Россия и Восток: археология и этническая история. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 39–41; Ковригин А.А., Ражев Д.И. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции. Тюмень, 1999. С. 171–175.

³ Ражев Д.И. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2002.

⁴ Курто П., Ражев Д.И. Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. С. 86–114; Ражев Д.И. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 251–258.

⁵ Ражев Д.И., Ковригин А.А., Курто П. Насильственные травмы на черепах из могильников саргатской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999. С. 137–139.

⁶ Курто П., Ражев Д.И. Люди ... С. 86–114.